

Автокатастрофа навсегда лишила Пашу возможности жить полноценно. Инвалид, потерявший память, выброшенный на периферию общества — его приютом становится интернат. Казалось, судьба парня решена. Но Паша обнаруживает у себя особый дар — мистическую способность обездвиживать людей. Дар оборачивается проклятием: Паша становится орудием в руках бандитов. Они используют парня, чтобы совершать преступления. Но память начинает возвращаться к Павлу. И скоро он вспомнит все.

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-8173-8

9 786171 281738

ПОБЕГ В ПРОШЛОЕ

СЕРГЕЙ
БАКШЕЕВ

СЕРГЕЙ
БАКШЕЕВ

ПОБЕГ
В ПРОШЛОЕ

СЕРГЕЙ
БАКШЕЕВ

**ПОБЕГ
В ПРОШЛОЕ**

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
2020 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.161.1
Б19

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

ISBN 978-617-12-8173-8

- © Бакшеев С. П., 2020
- © DepositPhotos.com/ia_64,
tolokonov, kaninstudio, An-
drewLozovyi, обложка, 2020
- © Книжный Клуб «Клуб Се-
мейного Досуга», издание
на русском языке, 2020
- © Книжный Клуб «Клуб Се-
мейного Досуга», художест-
венное оформление, 2020

ПРОЛОГ

Инкассаторский фургон несется с бешеной скоростью по темной извилистой подмосковной дороге. Сзади улюлюкает цветомузыкой полицейский автомобиль. Ревут двигатели, визжат тормоза, хлопают выстрелы. Пули дзинькают о броню, чиркают по асфальту. Фургон виляет, мешая обгону. Типичная погоня — грабители убегают, полиция догоняет. Кто кого? Я бы тоже к этому относился с отстраненным любопытством, если бы не находился в отсеке для денег этого инкассаторского фургона.

Да, черт возьми! Я, шестнадцатилетний пацан, среди грабителей!

Мы только что захватили фургон. Инкассаторы собрали субботнюю выручку в крупном торговом центре — и тут я со своими способностями. Теперь крепкие парни в брониках лежат на земле, а меня мотает среди мешков с деньгами. Денег много, отсек забит, хочешь приподняться — вязнешь в мешках, как в сухом бассейне с цветными мячиками. И тут же упираешься в жирное тело грабителя Мони. Его тяжело ранил инкассатор. Кажется, Моня отходит в мир иной.

За рулем угнанного фургона брат Мони Кабан. Рядом — разъяренный Тиски. Он главный. О чем он рычит сейчас, я не слышу, а когда пихал меня в фургон, пообещал Кабану, что прикончат меня, как только смоются.

Вы думаете, мое спасение — полиция? Как же!

У ментов негласный уговор шлепнуть меня при задержании. И все из-за моей дурной славы. Меня называют Парализатором. Менты панически боятся, что я обездвигну навек их мужские достоинства.

Я в отчаянии! Что же делать?

Я опираюсь на бесчувственного Моню и приподнимаюсь на локтях. Вижу мощный загривок Кабана и рысканье фар на поворотах. Боковое зеркало взрывается осколками от удара

пули. Кабан даже не вздрагивает. Природа обделила его нервами, а заодно и мозгами. За него думает Тиски. Вот он рывкает: «Гони!» — и Кабан жмет на газ. Прикажет свернуть мне шею — Кабан крутанет ручищами, словно банку огурцов открывает.

Терять мне нечего, будь что будет!

Я сосредотачиваюсь. Мозг формирует податливую глиняную копию Кабана. Внутренним огнем ненависти я могу обжечь и превратить в керамику любую часть мысленного образа, чтобы парализовать ноги или руки реального Кабана. Если напрягусь, могу целиком обездвигить тупого борова. Но скорость дикая, машина неминуемо разобьется. И что в итоге?

Фары выхватывают предупреждающий знак железнодорожного переезда. Мигают красные огни светофора. Как выпученные глаза пьяницы, фонари удивленно пялятся на несущийся автомобиль. Опускается шлагбаум. Слышен гудок приближающегося локомотива. Кабан сейчас инстинктивно ударит по тормозам, но я принимаю безумное решение и фиксирую его ногу на педали газа.

Кабан орет. Фургон мчится на шлагбаум. Скошенное бронированное рыло нашей машины принимает удар на себя, полосатую трубу как щепку подбрасывает над крышей. Мы проскакиваем перед носом несущегося локомотива.

Фу, пронесло!

Но радость преждевременна. Волна плотного воздуха от состава бьет по фургону. Машину сносит, она становится неуправляемой и, кажется, уже летит. А впереди — фура, остановившаяся перед светофором. Нас разворачивает и несет на нее.

Удар!

Бампер многотонной фуры соревнуется в прочности с бронированной кабиной. Оба противника в проигрыше. Бампер — в расход, а наш фургон, кувыркаясь, летит на стволы вековых елей. Я зажат между толстым Монею и рыхлой массой денег. Долго ли мне осталось? Секунды, минуты? Врядли часы. Я многое узнал за последний месяц. Надо успеть объяснить, как я, Павел Соломатин, воспитанник провинциального интерната для инвалидов, докатился до такого бесславного конца.

Большой черный джип с московскими номерами нагло въехал на тротуар под тусклые огни мерцающей вывески «Голубая лагуна». Это было единственное заведение в Верхневольске для мужчин, которых не пленяли женские прелести. Из джипа вышел кряжистый угрюмый дядька слегка за сорок с седым ежиком волос.

— Мне по делу, — объяснил он двум молодым спутникам с золотыми цепями на толстых шеях.

Охранник кафе наткнулся на тяжелый взгляд гостя и посторонился. Ступени из состаренного кирпича привели посетителя в подвальное помещение, где царил полумрак, а воздух был пронизан запахами пота, выпивки и духов. Нежная музыка сочилась из кирпичных стен, как липкая влага. Гость подошел к барной стойке, выложил тысячную купюру и двумя пальцами подтянул к себе за воротник худосочного бармена:

— Где Голубок?

Бармен поперхнулся от крепкого захвата, мельком, сквозь протираемый бокал, оценил купюру и просипел:

— Вторая ниша слева.

Посетитель вальяжно похлопал бармена по щеке:

— На эти деньги принесешь мне коньяка, лучшего.

В следующую минуту его рука отодвинула голубую портьеру с изображением стайки очаровательных рыбок, пристроившихся в хвост друг другу. Появление в приватной нише нежданного гостя нарушило ласковое бормотание смазливового юноши в леопардовых лосинах, выщегося около тридцатилетнего стильно одетого Дениса Голубева.

— Привет, Голубок. — Кряжистый мужчина плюхнулся на мягкий диванчик. Сильная рука подтолкнула удивленного юношу. — А ты погуляй, рыбка. Скройся!

«Рыбка» хлопнул покрашенными ресницами и бесшумно выскользнул.

— Юрий Николаевич! — Денис Голубев изобразил радость, узнав бывшего школьного учителя физкультуры Савчука.

Когда-то в детско-юношеском лагере Савчук стал первым наставником в однополю любви четырнадцатилетнего Дениса. Но не все мальчики оказались такими же податливыми, как Денис Голубев, и через год Савчука посадили за причинение тяжких телесных повреждений несовершеннолетним. За стальные руки бывший борец получил на зоне прозвище Тиски. После освобождения он перебрался в Подмоскowie, где застал закат эпохи беспредела. Крепкое рукопожатие до перелома косточек делало многих неуступчивых коммерсантов сговорчивее. Однако радикальная смена власти в Кремле заставила и бизнес платить налоги, денег на бандитов у предпринимателей не осталось.

Пришлось Тиски вплотную заняться теневым бизнесом. Он подмял под себя сеть борделей, где оказывались услуги на любой вкус. В этом был и личный расчет. Животную тягу к мальчикам осторожный Савчук скрывал. Чтобы не отличаться от корешей, ему приходилось преодолевать брезгливость и демонстративно пользоваться услугами проституток. Но природу не обманешь. Положение босса позволяло ему предаваться тайным страстям с малолетками.

Денис Голубев за минувшие годы стал учителем английского. Его репетиторские занятия с мальчиками сопровождались непристойными скандалами, и молодому специалисту пришлось оставить школу. Голубев устроился преподавателем в интернат для сирот-инвалидов, где испытывали острую нехватку кадров, поэтому закрывали глаза на странности персонала и даже к смерти подопечных относились философски: «Отмучился, бедняжка».

— Сами приехали? — удивился Голубев. Он периодически отправлял воспитанников интерната в бордели Савчука. Одни поддавались уговорам о сладкой жизни, к другим применялась сила.

— Тебя давно не видел, — осклабился Тиски.

Денис потупил взор, придвинулся к наставнику, коснулся рукой его колена.

— Убери клешню! Ты стар для меня. — Тиски понюхал недопитый коктейль с ломтиком лимона на засахаренном крае высокого стакана и поморщился: дрянь!

Бармен принес бокал коньяка. Тиски залпом опустошил бокал, впился зубами в лимонный ломтик, снятый с коктейля, вытер салфеткой пальцы.

— Теперь перейдем к делу, Голубок. Новые ампути есть?

— Есть одна девчонка, без руки.

— Лучше бы без ноги, на них спрос больше.

— Можно устроить. Толкну ее машиной — и к нужному хирургу, ампутация...

— Сами сделаем, если понадобится. Девка стоящая?

— Класс! — поднял большой палец Денис. — Но не объезженная, с гонором.

— Со мною Кабан и Моня. Дашь знать, где можно будет взять девчонку. Они объездят.

В ответ на сальный оскал гостя Голубок вежливо улыбнулся:

— Я вижу, в столице малолетки-инвалиды в моде. У нас до такой фигни еще не дошло.

— У местных мужиков мозги на водку заточены, а в Москве есть фанаты Венеры Милосской. Слышал о такой?

— Статуя без рук.

— Во-во! Ученые перцы пришли к выводу, что у греческой бабы рук не было по жизни. А она, между прочим, эталон женской красоты. Стандартные киски с длинными ножками — это ширпотреб. Только утратив что-то, женщина становится неповторимой. Вот такая мулька в башке у тех, кто называет себя девоти.

— У кого?

— У девоти! Они открыли для себя непревзойденную красоту женщин-ампути.

— Москва, блин! — уважительно причмокнул Голубок.

— Человеческая похоть не имеет границ, ты же знаешь. А в столице умеют любое дерьмо в красивую обертку завернуть. Глупо не зарабатывать на чужих грехах.

Голубок покорно кивнул. Спорить с бывшим зэком о грехе и вере — себе дороже.

— Но приехал я не только за девкой. — Тиски наклонился и посмотрел в глаза Голубку. — Есть заказ на паренька-инвалида.

— Для этого дела? — понимающе улынулся Голубок.

— Нет, чтобы задачки решал! — заржал Тиски.

— Не проблема. У меня есть славный, покладистый, обученный дэцэпэшник. Четырнадцать лет, а выглядит на двенадцать. Грезит о столице.

— В этот раз нужен колясочник.

— Колясочник? Кто с ним возиться будет?

— Я же говорил про безграничную похоть. Беспомощность тоже возбуждает. Иначе не было бы наручников и повязок. И с чего ты взял, что с колясочником будут долго возиться?

Голубок задумался, потянул коктейль через трубочку. Он никогда не озадачивался вопросом, как долго используют поставляемых им мальчишек и девчонок и что с ними происходит потом.

— Подберу кого-нибудь. Есть варианты.

Тиски покачал головой:

— Нет у тебя вариантов. Мне нужен Павел Соломатин.

Голубок непонимающе уставился на Тиски:

— Да ему уже шестнадцать. У него пушок на губах!

Тиски не стал объяснять, что у него есть заказ на убийство именно этого парня. И по отработанной схеме жертва в качестве продажного мальчишка должна загнуться от передозировки наркотой.

— Не твоего ума дело! Я приехал за конкретным уродом. Натаскаешь за три дня? Чтобы знал, что к чему.

— Я думаю...

— Нечего тут думать! Обещай ему золотые горы. — Тиски встал. — Короче так: даю три дня, потом забираю мальчишку. Девку безрукую можешь передать раньше, чтобы мои быки не скучали. И работай чисто. Усек?

— Я все сделаю. Объявлю их беглецами, как обычно. Интернатских все равно не ищут. Не первые, не последние, — испуганно хихикнул Голубок.

— Солома, ты словно с луны свалился! Тебе уже шестнадцать! Через год тебя выпихнут из интерната — и живи как хочешь! Думаешь, инвалидного пособия тебе на жизнь хватит? Фиг! Кому ты нужен, сирота убогая! А я тебе дело предлагаю.

Солома — это я, Пашка Соломатин. А кричит на меня Женька Киселев по кличке Кисель. В интернате у всех клички. Солома и Кисель — вполне сносные. Есть, например, у нас Вонючка — худой тринадцатилетний пацан с тяжелой формой ДЦП. Он, как и я, колясочник, но даже говорить не может, а руки его такие кренделя выделывают, что, пока ест, вечно обляпается. Одежду каждый день не сменишь, вот от него и воняет.

Я смотрю на раскрасневшегося от пылкой речи Женьку Киселева. Его голубые глаза блестят, светлая челка растрепалась, и красивое лицо приобрело ореол одухотворенности. Хоть сейчас на обложку журнала. Только снимать надо по пояс. Ниже у Киселя — искривленные тяжелой болезнью ноги. Но я все равно завидую ему. Кисель довольно бодро передвигается на костылях, а я — никуда без расшатанной инвалидной коляски. Скрипучие колеса и продавленное сиденье между ними — это мои ноги, моя надежда и мое проклятие.

Кисель младше меня на два года, но нас приняли в интернат в один день, поэтому мы скорешились. Сегодня утром он прервал мои лежачие упражнения на кровати и вытащил на задворки в укромное место для разговора. Кисель глотает пиво из прозрачной бутылки, давится пеной. Пиво теплое и шибает в нос. Бутылки припер Кисель, также и сигареты. В последнее время у него денежки водятся.

— Я не врубаюсь, ты на что намекаешь? — интересуюсь я.

— Есть одна фигня, через которую нужно переступить. — Кисель вытирает ладонью рот и неожиданно срывается: — Надо думать о будущем, о деньгах, а не корчить из себя недотрогу!

— О будущем? Или о деньгах? — подкальываю я приятеля.

— Без денег нет будущего! — отрезает он.

— Ты можешь говорить прямо, Кисель?

— Эх, Солома! Что ж тут непонятного? — Женька с опаской зыркает по сторонам и, хотя рядом никто не вертится, переходит на шепот: — Дэн меня кое-чему научил.

Наш преподаватель английского Денис Голубев выгодно отличается от матерых воспитателей интерната. Он не кричит, загадочно улыбается, а выглядит так, словно только что сошел с круизного корабля, где царит вечный праздник. В общем, клевый чувак, свой в доску! Любит по душам поболтать и моим здоровьем интересуется.

— И чему же он тебя научил? Английскому мату? — ухмыляюсь я.

— Дурак ты, Солома. Забудь об английском, хотя он тоже нам пригодится. Дэн обучил, — и Кисель шепчет мне на ухо, — как делать приятное мужчинам.

Ни хрена себе! Я шарахаюсь и опасно пялюсь на приятеля:

— Чего?!

— Того! Тому самому, что им делают женщины!

— Но ведь ты... у тебя не как у женщин.

— Какой же ты дремучий, Солома. — Кисель смачно обсасывает пивное горлышко и затягивается сигаретой. В уголках его губ дрожит похабная улыбка. — Секс — понятие субъективное. Есть куча мужиков, которые предпочитают юношей и платят за это.

Он отключивает задницу и вертит ею. Я потихоньку въезжаю, к чему клонит Кисель. Он всегда цеплялся за любой способ заработка, но чтобы такое! О боже! Многое пока не укладывается в моем куцем сознании.

— Но ведь мы...

Я смотрю на свои обездвиженные ноги, на скрюченные колени Киселя между костылей и не могу произнести вслух очевидное. Я урод! Калека! Инвалид! Или, как придумали люди из телевизора, ЧОВ — человек с ограниченными возможностями. А некоторые приторно добренькие чиновники лыбятся на телекамеру и убеждают: «с неограниченными» — или нахваливают: «это — особенные дети». Их бы под поезд, а потом

в мое кресло. Наслаждайтесь «неограниченными» возможностями, «особенные»!

Кисель прекрасно понимает меня.

— В том-то и фишка, Солома. Есть чокнутые, готовые платить за уродство реальные бабки. Во! — Возбужденный приятель демонстрирует в кулаке свернутые купюры. Это впечатляет.

— И что же ты делаешь?

Женька допивает пиво, бросает пустую бутылку в помойку и под звон бьющегося стекла вытирает губы.

— Ты «Бейлиз» пил?

— Что это?

— Обалденный ликер, сладкий, вкусный. Дэн угостит, когда к нему приедешь.

— Зачем мне к нему?

— Для обучения, дурачок. Дэн натаскает, а после сведет с богатым дядькой.

— Дэн будет...

— Не дрейфь, Солома! Как говорится, больно будет только вначале. — Женька нервно хохочет, пока по его лицу не пробегает судорога. — Ты, главное, выпей побольше, чтобы башка отключилась. Представь себя куклой, расслабься и потерпи...

— Ох, ни фиги себе перспектива! — пытаюсь пошутить я.

Но Кисель не замечает иронии. Он — воплощение серьезности.

— Дэн сегодня мне шепнул вот что. Если ты не будешь корчить недотрогу, через три дня он нас переправит в Москву. Там шизанутых гомиков с баксами — пруд пруди. Будем жить на квартире. По вечерам ублажать голубых, а днем тратить бабосы и наслаждаться новой жизнью. Это наш шанс, Солома! Нам надо держаться друг за друга!

Я с ужасом понимаю, что его планы могут исполниться. Меня ждет счастливое будущее в объятьях похотливых извращенцев!

Ну уж нет! Сегодня я докажу Киселю, что мне уготована иная судьба!

Я делаю ход слоном и нажимаю кнопку шахматных часов. Я впервые играю с контролем времени, сначала это жутко нервировало. В нашей школе-интернате шахматных часов отродясь не видели. Тринадцатилетний мастер спорта по шахматам Даниил Бардин приехал со своими. Он только что провел сеанс одновременной игры на восьми досках и всех разделал под орех! Я тоже у наших ребят выигрываю и договорился сразиться с юным мастером один на один. Это ради меня Валентина Николаевна пригласила своего одаренного племянника. Она знает, что я мечтаю стать гроссмейстером. Ведь инвалидность шахматам не помеха, а гроссмейстеры участвуют в коммерческих турнирах с хорошими призовыми.

Даниил Бардин продвигает слона на две клетки вперед. Он разыграл сицилианскую защиту. Но я не тупой валенок и знаю этот дебют из книжки. Сейчас игра перешла в эндшпиль. Бардин уверенно теснит моего короля, однако по фигурам у нас равенство, и я не думаю сдаваться. Я вообще никогда не сдаюсь и сражаюсь до последнего.

Вокруг тяжело дышат воспитанники, все с нарушением опорно-двигательного — такая у интерната специализация. Дэцэпэшники с гиперкинезами дергаются, их ходунки и костыли то и дело задевают друг о друга. Миопаты спокойнее, с ними порой я и играю в шахматы. Дэцэпэшников у нас большинство — кого в роддоме бросили, кого позже. Еще есть ампутанты или, как я — с травмой опорно-двигательного, — спинальники и шейники. Мне повезло, я спинальник. У меня только ноги не двигаются. Еще башка периодически трещит, но это мелочь.

Мое инвалидное кресло, несмотря на стояночный тормоз, давно припечатали к столу. После ошеломляющего поражения нашей команды никто не осмеливается давать советы. Валентина Николаевна ободряюще подмигивает мне, а Кисель провис на костылях и скептически кривит рот. Он не верит, что я стану гроссмейстером. У него другой план — работать не мозгами, а мягким местом.

Наша игра идет полтора часа. Каждый сделал по сорок ходов, я, как будущий профессионал, записываю партию. Бардин милостиво предлагает ничью, я отказываюсь и слышу дружный вздох изумления. Бардин тоже недоумевает, поглядывает на свою тетушку. Но мне не нужна ничья. Я хочу доказать Киселю, что я не кукла с дырками!

Еще пара осторожных ходов. И вот Бардин ставит ладью под моего коня. Во дела! Что это: хитроумная жертва мастера или мальчишка устал и ошибся? Я лихорадочно перебираю возможные варианты. И так неплохо, и этак хорошо. Где подвох? Часы тикают необычайно громко, а сердце вообще из груди выскакивает. Я поднимаю коня и потными пальцами снимаю с доски ладью соперника. Слежу за Бардиным. У него дергается глаз, лицо бледнеет. Через два хода он останавливает часы и, глядя в пол, жмет мне руку.

Ура!!! Я победил! Я выиграл у мастера спорта!

Гул удивления наполняет комнату. Среди возбужденных лиц я ищу самое желанное.

Как же так, ее нет!

Марина Андреева, по кличке Марго, не видит моего триумфа. Самая клевая девчонка не интересуется шахматами. Я такое свершил, а ей фиолетово! Она ушла, не дожидаясь окончания партии.

Горечь обиды возвращает меня к реальности. На что я рассчитывал? Кто я, а кто она! Я — беспомощный инвалид-колясочник, а у нее только правой руки нет. У нас даже кликухи разного уровня престижности. Солома и Марго — чувствуете разницу? А какая у нее фигурка! А глазищи! Вы бы видели, как плаваются под ресницами ее серые льдинки, когда она о чем-то мечтает.

Валентина Николаевна привычно подавляет шум голосов:

— За эту победу Соломатин награждается поездкой в Москву. Поздравляю!

Ох, ни фигя себе!

Валентина Николаевна вручает мне особую открытку с печатью и подписью директрисы. На ней изображен собор Василия Блаженного и Красная площадь. Обладатели таких открыток

через месяц поедут на экскурсию в Москву в специальном автобусе для инвалидов. Там всего двенадцать мест, которые достаются лучшим из лучших. Я буду в Москве!

— А сейчас состоится чаепитие! Перемещаемся в столовую. Колясочников пропускаем вперед.

Когда-то Валентина Николаевна пришла работать в интернат физиотерапевтом, а потом стала еще и воспитателем. Здесь многие крутятся на двух ставках. Она помогает мне выбраться из комнаты и направляет коляску по коридору. В столовой нас ждут сдобные печенья, которые крошатся и оставляют масляные следы на пальцах. Мне достаются целых три, остальным — по два, но ребята не ропщут, все-таки я победитель.

Я запиваю сладкое лакомство теплым чаем — и вдруг...

Голос у Валентины Николаевны командирский. Его слышишь, даже когда она говорит шепотом на ушко своему племяннику:

— Спасибо, Данька. Для тебя это ничего не значит, а для калеки, глянь, какая радость.

Тринадцатилетний мастер спорта бурчит:

— Я мог победить еще на двадцать втором ходу.

Его слова как удар под дых. С минуту мир кружится перед глазами темными пятнами. Я разворачиваю листок, читаю партию. Так и есть, на двадцать втором ходу вместо убийственной вилки конем Бардин двинул пешку. Грудь сжимается от обиды. Печенье застревает в горле. Я кашляю, выплевываю крошки и сжимаю веки. Бесплезно. Слезы просачиваются из-под ресниц. Я дергаю обода колес и давлюсь искусственным кашлем. Все уверены, что я подавился из-за жадности.

У калеки, глянь, какая радость!

Да пошли все к черту! Скорее отсюда, пока не разревелся, как обиженная девчонка. Я почти мужчина, мне уже шестнадцать, в этом возрасте плакать не полагается! В шестнадцать многие совершали подвиги, устанавливали рекорды, ходили в бой.

Ходили... Когда вы слышите, как по коридору шаркают тапочки, у вас какая реакция? У меня жутко чешутся ноги ниже колен. И выступают слезы. Чешутся — это хорошо, а слезы... Тоже неплохо, реже в туалет с коляской тыркаться.

Колеса скатываются с шершавого асфальта в траву. Я прячусь в укромном месте — в кустах за помойкой. Сейчас знойное лето, но ржавые баки не пахнут. В них практически нет пищевых отходов, интернатские глотки, как желторотые птенцы, глотают все подряд. Я растираю слезы, перемешанные с соплями, и беззвучно реву.

На что я рассчитывал? Гроссмейстер, победы на турнирах. Как же! Чемпионы по шахматам в шестнадцать давно уже были гроссмейстерами, а у меня нет даже разряда. Тринадцатилетний мальчишка мне проиграл из жалости. Всегда будут тысячи шахматистов, которые играют лучше меня. А мне останется лишь уповать на жалость. Как и любому инвалиду.

Я тут же представляю, как лежу мертвый, — бросился с крыши или утопился. Нет, лучше отравиться, чтобы тихо и без боли. Со мною прощаются все наши. Многие плачут, Валентина Николаевна говорит хорошие слова, а самая красивая девочка вдруг как закричит от горя и упадет без чувств на мою грудь. И вот тут я открою глаза, обниму ее, а она...

Черт, ну что за бред! Я же не девчонка!

Я рыскаю пальцами в щелях бетонного забора и достаю припрятанные окурки. Чиркаю спичкой, затягиваюсь. Это по мужски. Как только заканчивается один бычок, прикуриваю следующий. Сигареты разные. Я их вытащил из урны на автобусной остановке. Для этого пришлось ехать аж к кинотеатру, около интерната все подчищают наши ходячие малолетки.

Под забором что-то пискнуло, зашевелилось. Ничего себе, мой окурочек угодил в рыжего котенка! Да он тут неплохо устроился в коробке из-под обуви.

Меня отвлекает шорох веток. Кто-то лезет на мою заветную территорию. Я оборачиваюсь и вижу стройные ноги в джинсовых шортах и укороченную обтягивающую футболку, открывающую пупок. Даже не поднимая глаз, я знаю, кто это. Та самая девочка из моей похоронной фантазии. Гордычка Марго!

Не глядя на меня, она бросается к котенку. Выбрасывает из коробки окурочек, и рыжий пушистый комочек оказывается прижатым к ее груди. Марго поддерживает его культей правой руки, а полноценной левой ласково гладит.

— Ты изверг, Солома!

— Я случайно.

— Каждый случайно, а потом вот... — Она поднимает кошечку, я замечаю, что передняя лапа плотно перебинтована между расщепленным обломком карандаша. — Вчера ее машина сбила.

Марго опускается на колени, раскрывает перед котенком упаковку творога и крошит туда таблетку.

— Это зачем? — спрашиваю я.

— У нее кость сломана, нужен кальций. — Ее голос теплет. — Я назвала ее Атя.

— Атя? Что за дурацкая кликуха?

Марго не отвечает. Обиделась, что ли?

Пока котенок жадно ест, она встает, сдувает завиток со лба и поправляет непокорную прядь гладкой культей. Дерзкие глаза ехидно смотрят на меня.

— Чего ныл, Солома?

— Я?!

— Да вон, под глазами мокро. А говорят, ты выиграл.

Глубокая затяжка, дым в сторону и плевок сквозь зубы — вот что надо, чтобы выглядеть невозмутимым. Я отмахиваюсь.

— Это от дыма.

— Что от дыма? Выиграл или ноешь?

— Да не ною я! Отвяжись!

— И то правда. Мне бегать пора. — Марго возвращает котенка в коробку, подозрительно смотрит на меня. — Если ты обидишь Атю или кому-то расскажешь про нее...

— Больно надо!

Марго делает шаг к кустам. Самая красивая девчонка, доверившая мне свою тайну, собирается уходить!

— А чего ты бегаешь? — торопливо спрашиваю я.

— К олимпиаде готовлюсь.

— Офигеть! К какой олимпиаде?

— К паралимпийской. Слышал о такой?

— Кто тебя возьмет, Марго?

— Будут результаты — возьмут.

— Ага, размечталась!

Марго шагает ко мне, наклоняется, взгляд ее сузившихся серых глаз ранит презрением.

— Ты прав, Солома, не напрягайся, плыви по течению, как дерьмо! Кури, пей, забей на учебу! Все равно станешь попрошайкой, на большее ты не способен. Привезут, на точку поставят и каждый вечер нальют водки. Не жизнь — сказка! Жаль, что ноги тебе не ампутировали. Ампутантам больше подают.

Я опускаю взгляд на свои никчемные ноги в вечно новых тапочках. На коленях в пожелтевших пальцах тлеет сигарета, огонек жжет, я вздрагиваю и отшвыриваю окурок. Сейчас я отведу дерзкой девчонке, брошу в лицо что-нибудь гадкое и обидное. Уж чему-чему, а ругаться жизнь в интернате научила.

Марго поворачивается так резко, что хвостик русых волос взлетает параллельно земле. Я замечаю подошву стоптанных кед. Постепенно звуки бегущих шагов девушки удаляются. Счастливая, у нее есть цель. А моя мечта оказалась блестящим ледяным скакуном, растаявшим на солнце. Я оседлал его и очутился в луже, да и та уже испарилась.

Я кусаю обожженный палец, чтобы не заплакать. Оскал всегда похож на улыбку.

Гляньте, какая радость у калеки!

4

Денис Голубев затолкал колченого Женьку Киселева в так называемую комнату творчества. От обычной аудитории она отличалась наличием расстроенного пианино с нацарапанной на нем нецензурной частушкой и мольберта с засохшими красками, торжественно подаренного бородатым художником с нерусской фамилией.

— Ты уболтал Солому?

— Он ни в какую. Но я еще попробую.

— Так я и думал.

Дэн без осуждения смотрел на Киселя. Его терзало двойственное чувство: щекочущая радость, что милый мальчик с нежной кожей и пухлыми губками пока останется с ним, и некоторая

нервозность, что придется обламывать неуступчивого Соломатина. С ним он достаточно беседовал и понял, что тот будет противиться мужским ласкам. Время было упущено. Сексуальные ориентиры мальчика можно сбить лет с двенадцати до четырнадцати. Что и проделано с Киселем, а до него — с другими. А Соломатин переросток. Ему уже шестнадцать, на девичьи сиськи заглядывается. Однако Тиски требует в московский бордель именно этого воспитанника.

«Туда Соломе и дорога! — обозлился учитель. — Надоел за три года».

Спустя месяц после появления Павла Соломатина в интернате к Голубеву по электронной почте обратился московский нотариус. Он предложил деньги за ежемесячные отчеты о состоянии мальчика-инвалида. Дэн согласился. С тех пор приходилось изображать дружбу с мальчишкой, из физиотерапевта сведения вытягивать и тайно копировать заключения врачей из медицинской книжки подростка.

В прошлом месяце Дэн сообщил в письме, что Соломатин впервые назвал имена родителей и вспомнил, что часто играл с маленькой девочкой. Недавно физиотерапевт сделала пометку, что зафиксировала слабую чувствительность ног. Сегодня, когда Дэн копировал медицинское заключение, его застучала Валентина Николаевна. Пришлось наплести какую-то ерунду. Получилось неубедительно.

Но ничего, скоро эта нервотрепка закончится. Всего-то нужно выполнить поручение Тиски и сплавить мальчишку.

— Чего Солома боится больше всего? — спросил Голубев.

Худенький Кисель, подпертый костылями, умудрился позвать плечами:

— Остаться на всю жизнь инвалидом.

— Эта неприятность ему уже гарантирована.

— Солома упертый. К спинке кровати фанеру приставил, ногами пытается давить, упражнения разные делает. Я с рождения такой увечный, свылся. А Солома помнит себя на ногах.

— По-моему, ему память отшибло после аварии.

— Что-то, может, и вылетело из башки, а живые ноги никто не забудет.

— А что он любит?

— Смотреть в окно, когда идет снег.

Дэн откинул крышку пианино, прошелся длинными пальцами по клавишам. Инструмент невнятно ответил. Дэн покачал головой, привычные ориентиры — боль и любовь — ничем не помогли ему. И как с таким колясочником работать, где его болевые точки? Хорошо, что существуют другие, покладистые, дети.

Дэн ласково погладил Киселя по щеке:

— Ладно, ступай. На днях прокатимся ко мне на квартиру.

5

У меня сильные руки, потому что они мне заменяют ноги. У вас на пятках грубая кожа? У меня такая же на ладонях. Ими вечно приходится толкать шершавый обод кресла-каталки.

Я еду по коридору. Манжеты рубашки трутся о колеса, одежду бесполезно стирать. Сейчас еще ничего, сухое лето, а вот по весне, когда грязища, — караул!

На кой нам выдают светлые рубашки, если рукава все время черные? Зимой я вообще не могу выбраться на воздух, сижу у окна и люблюсь чистым снегом. Когда-то я радостно бегал по сугробам и даже — подумать страшно — катался на горных лыжах! Как же давно это было, в другой нереальной жизни.

За две зимы в интернате я только раз проехал по заснеженной дорожке. Мне помогала Валентина Николаевна. Она добрая. И шахматная подставка — тоже от ее безмерной доброты. Хотя я и цеплялся изо всех сил за холодные обода, тяжелое дыхание пожилой женщины за спиной давило на совесть. Когда мы вернулись, в моих глазах был восторг, а в ее — усталость. В следующий раз я отказался от зимней прогулки. Детей-инвалидов в нашем интернате около ста, а воспитателей, желающих помочь, — раз-два и обчелся.

Три года назад я ехал с родителями по загородному шоссе, и в наш автомобиль врезался КамАЗ. Родители погибли,

а я оклемался после недельной комы. Ребра срослись, и руки восстановились, а вот ноги отказали. Врачиха убеждала — счастливчик! Ну не дура, а? Так я остался сиротой и загремел в интернат для инвалидов. В момент аварии еще башкой капитально приложился — прежняя жизнь с тех пор как в тумане.

Говорят, я из Москвы. Может, и так. У меня нет ни одной фотографии из прошлого. Отдельные события всплывают в сознании, словно из полузабытого сна. То ли это было на самом деле, то ли все нарисовала больная фантазия. Автокатастрофа отобрала у меня не просто здоровье, но и всю прежнюю жизнь. Я силюсь вернуть ее, но память отпускает прошлое по крупицам.

Многим новоиспеченным колясочникам снятся сны, в которых они могут все — гонять мяч, крутить педали и бегать по лужам, поднимая живыми ногами тучи брызг. Подобные сны у меня тоже бывают. Но чаще меня преследует один и тот же кошмар. Оранжевая морда КамАЗа медленно движется на меня. Я пытаюсь отбежать, но ноги не слушаются. КамАЗ увеличивается, заслоняет весь мир, я дергаюсь, кричу и в ужасе просыпаюсь. Очнувшись, я понимаю, что это тот самый КамАЗ — убийца моей семьи. И чтобы понять, что произошло, я должен досмотреть кошмар до конца.

Сейчас я еду на физиотерапию. Массаж нужен, чтобы поддерживать кровообращение в мертвых мышцах ног. Врачи говорят, что всегда остается надежда на чудо. Так они утешают. Ног я почти не чувствую, но пару раз, когда Валентина Николаевна сгибала мои колени, словно паук пробегался по дряблым икрам, всаживая свои ядовитые хелицеры. Было приятно. Порой меня мучат спонтанные головные боли. Но на это лучше не жаловаться. Рецепт один — горсть успокаивающих таблеток, после которых стремительно превращаешься в овощ. У нас и такие есть.

Что тут добавить? В интернате быстро понимаешь, что в жизни нет справедливости: одним — здоровье и деньги, другим — ущербное тело, боль и нищета. А граница невероятно хрупка — неосторожный поворот руля, идиотский толчок приятеля, выпендрежный нырок на мелководье или мыльная

лужа в ванной. Здесь каждый второй расскажет подобную историю, но чаще промолчит. «Угу, ага, да пошел ты!» — типичный лексикон большинства интернатских, когда им лезут в душу. Лучше читайте по глазам. В них грусть и боль. И капелька надежды.

Я толкаю дверь кабинета физиотерапии. У нас почти все двери качаются туда-сюда. Вы не представляете, как это удобно. И классно, когда порогов нет.

— Здравствуйте, Валентина Николаевна! — бодро приветствую я, помня ее слова о том, что оптимизм — это тоже лекарство. Я уже простил ее за спектакль с шахматами. Она ведь хотела как лучше.

Из-за ширмы появляется улыбающийся Дэн Голубев.

— А где?.. — невольно дергаются мои губы. Что он здесь делает?!

— Ты заезжай, Солома, не стесняйся. Валентина Николаевна на больничном. Здоровые тоже болеют.

За моей спиной щелкает задвижка входной двери. Я оставаюсь напротив топчана, на котором делают массаж. В голове переполох, я не понимаю, как поступить.

— Тогда в следующий раз, — выдавливаю я.

— Зачем же? Процедуру нельзя отменять. Ты ведь знаешь, каждый из преподавателей имеет медицинскую подготовку. Я — очень хороший массажист, необычный. Сейчас я тебе это докажу. Давай, Солома, не робей, снимай штаны и ложись.

Я цепенею, вспоминаю слова Киселя: «Дэн классный! Он научит тебя делать приятное мужчинам».

Голубев подходит к столу, плескает в стакан из красивой бутылки густую жидкость, похожую на кофе со сливками, и подносит к моим губам. Стекло стучит о сжатые зубы.

— Ты что? Это «Бейлиз». Да пей же, дурачок!

Он запрокидывает мою голову, кремовый вкус обжигаящим ручейком просачивается в глотку, но большая часть ликера стекает на подбородок. Я в отчаянии. Что мне делать?!

Голубев стаскивает с меня штаны, заключает в объятия и укладывает на топчан. Я на миг задыхаюсь от его приторного парфюма и плюхаюсь носом в пахнущую хлоркой простыню.

Спасительная коляска откатывается к окну, я отрезан от безопасного мира. В голове — злой смех Киселя: «Представь себя куклой».

Руки Дэна гладят мои ноги. Я не столько чувствую, сколько слышу его движения. Он шарит по ногам, жадно тискает их. Его метод массажа совсем не похож на процедуры Валентины Николаевны. Дэн странно сопит. Он дышит тяжело и часто, к сопению добавляются какие-то внутренние рычащие звуки. По моей спине бегут мурашки, как стадо сытых мух. Холод сжимает сердце, озноб пробирается к вискам, страх сковывает руки.

Я поворачиваюсь и требую:

— Отпусти!

Его глаза блестят, он возбужден.

— Тебя разве Кисель не предупреждал? Это для твоей же пользы, дурачок.

Дэн припечатывает мое беспомощное тело и с суетливым энтузиазмом накидывается на меня. Его руки на моих ягодичках.

Вот сволочь! Что он делает!

Я пытаюсь царапаться, Дэн бьет по рукам и безжалостно выкручивает пальцы. Он наваливается всем телом, на мою шею капает его слюна.

«Нет! Я не хочу! Только не это!» — возмущается мое сознание. Из уст вырывается лишь жалкая просьба:

— Не надо, Дэн!

Я слышу свою беспомощность и возмущаюсь. Я не такой! Я не хочу быть куклой! Я человек и должен за себя бороться!

Я брыкаюсь плечами и приподнимаюсь на локтях. Дэн удивленно смотрит на меня:

— Потерпи, глупый, потом спасибо скажешь.

«Потерпи». Какое знакомое слово, как я его ненавижу! Нас, «особенных» с «неограниченными» возможностями, вечно призывают терпеть. «Терпение, терпение и еще раз терпение», — твердят врачи. «Бог терпел и нам велел», — причитает директриса. И даже Валентина Николаевна часто вздыхает: «Вам столько еще предстоит натерпеться!»

Вот и Дэн прибег к циничному заклинанию. Он ласково треплет меня за ухом и говорит:

— Это лучший выход для тебя, дурачок. Доверься мне.

Мне противны его прикосновения. Я ненавижу здорового красивого Дэна. Почему он полноценный, а я инвалид? Почему не он, а я оказался на пути ужасного КамАЗа? Почему меня не убило сразу, как папу и маму? Зачем я выжил, если всю жизнь мне предстоит быть получеловеком!

— Ты боишься, хороший мальчик. Боишься, что будет больно. Но боль бывает сладкой.

— Нет! — ору я и брыкаюсь изо всех сил.

— Тише. Есть и другой способ, — решает Дэн и шепчет мне в ухо: — Ты ведь догадываешься, о чем я.

Его рука заползает мне на затылок, становится жесткой. Он с силой дергает меня. Я сваливаюсь на пол. Дэн нервными движениями усаживает меня перед собой. Он возбужден и надвигается.

— Ну же! Не томи, малышка.

Как мне его остановить?

Мои руки сильны, но не настолько, чтобы одолеть здорового мужчину. Я ЧОВ, и сейчас выхолощенный стерильный термин показывает свою грязную изнанку. Ограниченная возможность — это безграничная зависимость, в данном случае от насильника. Ему предначертана жизнь, а мне — прозябание. Ему — удовольствие, а мне — унижение.

В голове разрастается огненный шарик. Спонтанные вспышки боли преследуют меня с момента катастрофы. От нее нет лекарств. Чтобы справиться с болью, я обычно обхватываю голову, стискиваю зубы и сгибаюсь к коленям. Под черепом жжет, а тело колотит от озноба. Голова заполняется злыми дергающимися фигурками, их не изгнать, можно только перетерпеть. В такие моменты я становлюсь еще более беспомощным.

Нет! Ни за что!

Сегодня я не буду закрывать глаза. Пусть Дэн видит, как я его ненавижу. Он может меня сломить, но не победить. Я смотрю в лицо Дэну, и внезапно чертик в голове становится уменьшенной копией насильника. Он гибок, словно сделан из мягкой глины. Я не могу уничтожить большого Дэна, но чертик

в моей власти. Я уже проделывал такое. Это единственное, что мне остается наедине с болью.

Огненный шарик боли атакует копию Дэна в моем сознании. Глина твердеет под натиском огня, превращается в керамику, и фигурка становится каменной. С внутренним врагом я разобрался. Но я желаю, чтобы и внешний гад окаменел и почувствовал себя жалким и беспомощным. Он на своей шкуре должен познать, что значит быть парализованным, когда тебя каждый может унижить. Я хочу встать, обрести силу в ногах и дать подонку полноценный отпор. Он храбр только с заведомо слабыми.

Злость, помноженная на желание, концентрирует энергию. Моя голова тяжелеет. Чтобы избавиться от внутреннего жжения, я выплескиваю ступок ненависти сквозь зрачки. По телу Дэна пробегает судорога. Мой взор на миг мутнеет. Я слышу звук падающего тела и не соображаю, кто из нас упал.

Пелена рассеивается. Вот дела! Я вижу лежащего перед собой Дэна. Он словно окаменел. Как глиняный чертик в моем сознании.

Я опираюсь о топчан, поднимаюсь, цепляю свои штаны, продвигаюсь на несколько шагов и сваливаюсь в родную коляску. В голове боль и пустота. Боль отпускает медленно.

Я перехватываю испуганный взгляд Дэна. Глаза — единственное, что двигается в его теле. И тут я понимаю, что произошло невероятное. Дэн парализован, а я каким-то образом добрался от топчана до коляски! Я трясую головой, ощупываю себя. Нет, это не сон. Это явь! Мое желание исполнилось!

Мы потрясенно смотрим друг на друга. Проходит полчаса. Дэн начинает шевелиться. Я надеваю штаны, тараню коляской дверь и выкатываюсь из кабинета.

6

С этого момента я обрел надежду. Что произошло в кабинете физиотерапии? Каким чудом я встал и сделал несколько шагов? Почему Дэн свалился под напором моего взгляда? Я чет-

ко помнил, что хотел остановить его, и страстно желал, чтобы подонок оказался в моей шкуре. До боли в голове, до рези в глазах.

На расспросы Киселя я отвечал туманно. Мне самому предстояло разобраться в новых ощущениях. Что это было — чудо или наваждение? Теперь, щипая свои ноги, я чувствовал их, и эта колющая боль окатывала теплой волной счастья. Даже не знаю, с чем сравнить. И напрягаться не буду! Если вы не гадили под себя в инвалидном кресле и не плакали от беспомощности, то все равно не поймете.

А еще меня мучил вопрос: нужно ли благодарить Всевышнего за чудо?

В нашем интернате нет спортзала, зато есть комната с иконами. Ее называют молельней. Там детские души, каждая на свой лад, просят об одном и том же: об исцелении. В интернате я убедился, что страдание — самый быстрый путь к Богу. Если ты сирота, инвалид, а врачи бессильны, то остается лишь одна опора — вера.

Многие наши, особенно девочки, посещают храм. Местный бизнесмен с русой бородой на сытом лице присылает для этого по воскресеньям автобус. Он же организует нашу экскурсию в Москву. Один раз я ездил в храм, но мне там не понравилось. На входе ступеньки, внутри копоть от сотен свечей, а сочувствующих взглядов — как на похоронах. Лишь любопытный мальчишка с восторгом разглядывал мою коляску, пока его не одернула мамаша: «Не лезь к безногую! Он маму не слушался, вот его Бог и наказал».

Неужели это правда? Неужели так наказывают за то, что я не ел кашу и бегал в школу зимой без шапки?

Я пытался, но так и не смог полюбить Бога. Если он все-сильный и справедливый, то почему наша машина не разминулась с КамАЗом? Ведь дело всего в секунде! Один миг Божьих трудов — и моя семья осталась бы жива!

На следующий день после чуда в массажном кабинете я все-таки подкатил к молельне. Дверь приоткрыта, внутри тихо, но я чувствую флюиды знакомого запаха. Вкатываюсь. Так и есть — Вонючка! По его футболке можно определить, чем

нас кормили накануне. Но это не главная его проблема. Вонючка с рождения не может произнести ни слова. Для общения у него на столике, прикрепленном к коляске, есть карточки со словами и буквами.

Сначала ему подготовили всего два слова: «да» и «нет». Воспитатели посчитали, что для дебила, каким выглядит Вонючка, этого достаточно. Но огромные глаза мальчишки кричали, что он жаждет большего, и я постепенно написал ему много разных слов.

Вонючка замечает меня и смешивает на столике свою просьбу к Богу. Тоже мне секрет! Будто я не знаю, о чем он может молиться.

Вонючка суетится с карточками. Он хочет общаться, но мало у кого хватает терпения дожидаться, пока его дергающиеся руки сложат что-то путное.

«Все умирают. Смерть не больно», — появляется на столе.

Я догадываюсь о знаке вопроса в конце фразы, потому что знаю, о чем думает Вонючка. Когда только сошел снег, он умолял меня толкнуть его коляску под грузовик.

«Смерть — это не больно?» Что ему ответить? Я вспоминаю слова Валентины Николаевны: «Умирает только тело, а душа бессмертна».

Вонючка пыхтит от усердия, помимо рук дергаются и мышцы лица. Он составляет ответ. Я вижу: «Быстро тело умирать», — но Вонючке не нравится фраза из готовых слов. Он добавляет буквы. «Быстрее бы тело сдохло!»

Я отвожу взгляд, чтобы не видеть слез в глазах тринадцатилетнего мальчишки, брошенного мамой еще в роддоме. Натыкаюсь на скорбный лик на иконе. Сколько больных к нему взывают по всему свету? Только в нашем интернате около сотни остро нуждающихся в чуде. Даже если Бог работает без выходов, когда еще очередь дойдет до дурно пахнущего Вонючки из Верхневольска! А утешить его надо сейчас. Валентина Николаевна в этом случае обязательно упоминает, что есть кто-то, кому еще хуже, чем тебе. Мне она всегда говорила про Вонючку.

— Я достану тебе учебник нотной грамоты, — выпаливаю я.

Глаза Вонючки загораются. Весной, каждое воскресенье, весь интернат прилипал к экранам во время конкурса певцов «Новый голос». Среди многих красивых, эффектно передвигающихся по сцене исполнителей была девушка в инвалидной коляске. Она не могла танцевать, она не могла даже держать микрофон. Она могла только петь. Ее глубокий обволакивающий переливчатый голос проникал в наши сердца. Надо ли говорить, что мы все дружно переживали за нее! Юля могла быть одной из нас, незаметной и ненужной. Но она пробилась туда, по ту сторону экрана, на центральный телеканал, и теперь вся страна могла убедиться, что инвалиды тоже люди, достойные всеобщего внимания.

Когда Юля пела, мы замирали. У наших дэцэпэшников успокаивались руки и ноги. Мы не могли говорить, у каждого перехватывало дыхание, и только учащенно колотились сердца от избытка переживаний за Юлю. Когда музыка смолкала, девчонки не сдерживали слез, а мальчишки тратили последние деньги, чтобы отправить СМС-сообщения с цифрами 09 в поддержку смелой и талантливой девушки Юли.

Однажды пунцовый Вонючка признался мне с помощью карточек, что он сочинил песню для Юли. Я посмеялся. Вонючка раз за разом убеждал меня, что в его голове рождаются удивительные мелодии, но он не в силах их напеть. Вот если бы он выучил ноты и записал партитуру! Освоить нотную грамоту стало его заветной мечтой. Поэтому я и ляпнул про учебник.

«И где я только достану эту книгу?» — злюсь я на себя, но продолжаю обещать:

— Когда прочтешь учебник, я нарисую таблички с нотами. Ты составишь мелодию, а Дэн сыграет.

Подонок Дэн действительно умеет тренькать на пианино. От воспоминания о нем мне становится тошно. А если он снова захочет приласкать меня? А вдруг ему будет помогать Кисель?

Злая решимость гонит меня во двор. Я уединяюсь за помойкой и заставляю себя встать. Я опираюсь руками о кресло, поднимаю худое тело и сверлю взглядом беспомощные ноги. Ну, давайте же, напрягитесь, станьте послушными и твердыми!

Я согласен хромать, ходить на костылях, держаться за воздух зубами, только бы приблизиться к состоянию нормального человека! Черт! Ведь я же был им когда-то! Я ловко бегал на этих проклятых ногах и даже не задумывался, как это делать.

Но чуда не происходит. Руки каменеют от усталости, я сваливаюсь в постылое кресло. Неужели то, что произошло в кабинете физиотерапии, больше не повторится?

Я смахиваю пот со лба и слышу ехидный голос Киселя — выследил все-таки дружок.

— Ты че напрягаешься, чудило? Не напрягаться надо, а расслабляться.

— Отвали! — огрызаюсь я.

Кисель закуривает, сует мне сигарету. Мы дышим, глядя в разные стороны.

— Дэн тобой недоволен. И на меня окрысился.

— Козел он!

— Первый раз стремно, я понимаю. Ты бухни ликера для храбрости, и все пройдет как по маслу. — Кисель панибратски похлопывает меня по плечу. — Ладно, солома, не дури. Сейчас Дэн тебя ждет. Помочь добраться?

— Не лапай. — Я грубо спихиваю его ладонь.

— Идиот! Я тебе выход предлагаю, а ты... Придурок! Ты что думаешь, у тебя есть выбор? Конечно есть! Я даже скажу какой! Стать алкашом и загнуться в подворотне. Вот твой перспектива, вшивый гроссмейстер!

Я молчу, крыть нечем. Я сам рассказал ему правду о моей победе. Кисель терпеливо ждет и меняет тон.

— Забей на дурацкие шахматы, в карты — лучше. — В его голосе звучат заискивающие нотки: — Ну че, поехали?

— Да пошел ты!

Женька выплевывает окурок, давит огонек костылем. Во взгляде — смертельная тоска.

— Думаешь, мне приятно с Дэном? У меня план — денег скопить на операцию. В Швейцарии таких, как я, вылечивают, я читал. Ну как мне еще заработать?!

Вечная надежда инвалидов: где-то далеко за большие деньги с ними сотворят чудо.

— Ну хочешь, я буду рядом? Пусть он сначала со мной, а ты посмотришь. Это не страшно, — с надеждой спрашивает Женька.

Я качаю головой.

— Ну и оставайся нищим, колченогий придурок!

Он злобно стучит костылями, унося тощий зад навстречу светлой мечте. Кажется, я потерял единственного друга.

— По какому поводу ругачку устроили?

Я вздрагиваю от неожиданности и тут же расплываюсь в улыбке. Раздвинув ветки, на меня смотрит Марго.

— Сигареты не поделили? — усмехается она. — Я неподалеку окурочка видела. Принести? Свеженький, еще не затоптали.

Горькая обида сгоняет улыбку с моих губ. Я совсем не такой, как она думает, я совершенно другой. Сейчас докажу! Она должна это видеть! Я напрягаю руки, приподнимаюсь и отталкиваю коляску. Ноги, как сухие палки, пару секунд держат равновесие, а потом ломаются в коленях. Я рухнул бы на четвереньки, если бы Марго не подхватила меня.

— Ты чего? — пугается она.

— Я буду ходить.

— Серьезно?

Она держит меня за подмышки, я чувствую ее вздымающуюся грудь, а ее теплое дыхание оставляет влажный след на моей шее. Сейчас или никогда!

— Буду! Помоги!

Я обнимаю девушку за плечи, опираюсь и делаю шаг. Потом еще один.

— Вот это да! Ты же безнадежный!

— Кто сказал?

— Да так, слышала где-то.

— Я не безнадежный. Я докажу.

— Тогда вперед.

Я стискиваю зубы, пот катится по напряженной спине. Ноги отказываются подчиняться, но я не могу признаться в беспомощности.

— Ты тяжелеешь, Солома. Давай к коляске.

— Нет. Еще! — И я шагаю. Но сил совсем не осталось. Кажется, это все.

Марго усаживает меня в коляску, переводит дух и улыбается.

— Ты меня удивил, Солома.

— Мышцы, — я ожесточенно мну свои ноги, — они еще слабые. Мне надо тренироваться.

— Я тоже тренируюсь. Хочешь, буду помогать тебе, Солома?

— Нет, Марина.

— Почему?

— Потому что я не Солома. Меня зовут Паша!

Она фыркает и передергивает плечами. Я вижу ее спину.

— Вообще-то я к Ате пришла.

Она ухаживает за котенком и рассказывает о себе. Я узнаю, что у нее была мама и младшая сестренка Катя. Они впервые поехали в Египет, приземлились ночью, но до отеля не добрались. Автобус врезался в опору моста. Катя умерла спящей. Она еще не умела говорить, и когда ее спрашивали, как ее зовут, отвечала: «Атя».

Марго нежно гладит рыжий живой комочек.

— Сестренка была рыженькой? — догадываюсь я.

— Катя была золотой.

Сестренка, котенок — эти слова рождают неясные воспоминания. Я уже видел в своем кошмаре маленькую девочку. Она была рядом со мной, когда надвигался самосвал. На ее руках был...

К черту кошмар! Я отгоняю мрачные мысли.

— А мама? Что с ней?

— Мама тоже погибла. А мне повезло. — Марго иронично показывает на то, что осталось от руки. — И вот уже пять лет, как я здесь.

— А я грохнулся об КамАЗ. Его долго чинили, — пытаюсь шутить я.

— Слышала. — Марго поворачивается ко мне без тени улыбки. — Я помню, как ты появился. По глазам — вроде сильный, а по ночам ревел.

— Это было давно!

Літературно-художнє видання

БАКШЕЄВ Сергій

Утеча в минуле

Роман

(російською мовою)

Головний редактор *С. І. Мозгова*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *І. А. Кір'ятська*
Художній редактор *В. О. Трубчанинов*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *І. В. Набока*

Підписано до друку 11.09.2030. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Literaturna». Ум. друк. арк. 13,44. Наклад 5000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61001, м. Харків, вул. Б. Хмельницького, буд. 24. Е-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано згідно з наданим оригінал-макетом
у друкарні «Фактор-Друк»
61030, м. Харків, вул. Саратовська, 51
Тел.: + 3 8 057 717 53 57

Литературно-художественное издание

БАКШЕЕВ Сергей

Побег в прошлое

Роман

Главный редактор *С. И. Мозговая*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *И. А. Кирьятская*
Художественный редактор *В. А. Трубчанинов*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *И. В. Набока*

Подписано в печать 11.09.2020. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Literaturna». Усл. печ. л. 13,44. Тираж 5000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61001, г. Харьков, ул. Б. Хмельницкого, д. 24. Е-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано согласно предоставленному оригинал-макету
в типографии «Фактор-Друк»
61030, г. Харьков, ул. Саратовская, 51
Тел.: + 3 8 057 717 53 57

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57

e-mail: trade@ksd.ua

Приглашаем к сотрудничеству авторов

e-mail: publish@ksd.ua

Автокатастрофа назавжди позбавила Пашу можливості жити повноцінно. Інвалід, що втратив пам'ять, викинутий на периферію суспільства — його притулком стає інтернат. Здавалося, доля хлопця вирішена. Але Паша виявляє в себе особливий дар — містичну здатність знерухолювати людей. Дар обертається на прокляття: Паша стає знаряддям в руках бандитів. Вони використовують хлопця, щоб чинити злочини. Але пам'ять починає повертатися до Павла. І невдовзі він згадає все.

Бакшеев С.

Б19 Побег в прошлое : роман / Сергей Бакшеев. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2020. — 256 с.

ISBN 978-617-12-8173-8

Автокатастрофа навсегда лишила Пашу возможности жить полноценно. Инвалид, потерявший память, выброшенный на периферию общества — его приютом становится интернат. Казалось, судьба парня решена. Но Паша обнаруживает у себя особый дар — мистическую способность обездвиживать людей. Дар оборачивается проклятием: Паша становится орудием в руках бандитов. Они используют парня, чтобы совершать преступления. Но память начинает возвращаться к Павлу. И скоро он вспомнит все.

УДК 821.161.1

Дело Самсонова, обвиняемого в убийстве, вела следователь Петелина. Одна из свидетельниц внезапно признается, что дала ложные показания против Самсонова, а он невиновен. Теперь Петелину обвиняют в предвзятом расследовании. Тем временем Самсонова хотят убить. Его смерть очень выгодна некоему Баринову. Убитая жена Самсонова была наследницей владельца крупных бизнес-центров. После ее смерти и ареста Самсонова фактическим владельцем прибыльной компании стал финансовый директор Баринов. Он крайне заинтересован, чтобы Самсонов исчез, и нанимает анонимного киллера.

Петелина попытается восстановить справедливость и спасти жизнь невиновного. Исправить свою ошибку, даже если придется пожертвовать собой...

Антон Шувалов — гениальный нейробиолог, в жизни которого началась череда серьезных неприятностей. Соперник и коллега ученого Борис Вербицкий до сих пор винит Антона в смерти своей жены. А следователь Петровская даже советует ему залечь на дно, чтобы избежать возбуждения уголовного дела. Но, несмотря на опасность, Антон продолжает тайно проводить эксперименты в лаборатории НИИ. Его «прикрывает» Вербицкий, который в обмен на молчание требует от Антона помощи с одним делом. Теперь ученый вынужден помогать старому врагу... Удастся ли Шувалову сорваться с крючка шантажиста?

Тринадцатилетнюю Дину обвиняли в поджоге. Единственный, кто мог свидетельствовать о ее невинности — Михаил Давыдов. Но за помощь этой девчонке мужчину обвинили в убийстве, которого он не совершал. И теперь они оба в бегах. Давыдов — IT-директор в крупной компании бизнесмена Скворцова. Он даже не подозревает, что Дина — дочь погибшего семь лет назад вместе с женой компаньона Скворцова. Дину «заказали», и киллер по кличке Следопыт дышит беглецам в спины. Давыдов пытается узнать, кто стоит за всем этим. Правда, которую он узнает, может стоить им с Диной жизни...

После трех лет, проведенных в Швейцарии, Дина решает вернуться в родной город. И сразу оказывается в вихре событий. Благодаря своим необычным способностям девушке удается обезвредить террориста, но теперь ее саму подозревают в соучастии. Дина предлагает сделку полковнику госбезопасности Григорьеву: она поможет ему предотвратить масштабный теракт, а он снимет все обвинения с нее и с ее друга Давыдова. Вместе с тем девушке угрожает иная опасность: бывшие руководители бизнеса ее отца хотят провести крупную аферу, чтобы «утопить» торговую сеть «Бригантина». Но в игру вступает Давыдов. Айтишник и девочка-ясновидящая начинают отчаянную схватку.

